

Ф.А. Некрашевич

Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь

ВОЕННАЯ СЛУЖБА КАК МЕРА НАКАЗАНИЯ СЕКТАНТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1801–1856 гг.)

Российское правительство использовало военную службу как меру наказания за пропаганду запрещенных религиозных учений. В данной статье рассмотрена проблема применения данного вида наказания в отношении сектантов Российской империи в первой половине XIX столетия. Кроме того, рассмотрены условия прохождения сектантами военной службы в российской императорской армии.

Армия Российской империи, секты, наказание, скопцы, духоборы, молокане, исправительная система.

В Российской империи в период с 1705 по 1874 гг. основным способом комплектования вооруженных сил являлось проведение рекрутских наборов. При этом рекрутчина являлась не только повинностью податного населения, но и видом уголовного наказания. За совершение целого ряда преступлений виновный мог быть отправлен на длительную военную службу. Соответственно армия играла в некоторой степени роль пенитенциарного учреждения, призванного «перевоспитать» отдельные категории несознательных подданных империи. Одной из категорий населения, в отношении которой военная служба активно применялась в качестве меры наказания, являлись приверженцы сект.

Цель данной статьи – раскрыть механизм привлечения сектантов на службу в российскую императорскую армию. Хронологические рамки исследования обусловлены началом правления императора Александра I, когда началось систематическое распространение на отдельные группы сектантов наказания в виде военной службы, а также окончанием Крымской войны в 1856 г., после которой в Российской империи стали проводиться постепенные реформы по изменению системы комплектования вооруженных сил.

Политика российского правительства в области прав верующих носила комплексный и противоречивый характер. С одной стороны, она всегда основывалась на принципе веротерпимости. С другой стороны, сохранялась практика, характерная для традиционных христианских обществ, когда один привилегированный религиозный институт опирался на силу государства для поддержания своего исключительного правового статуса [1, с. 113]. В связи с этим правительство всегда стремилось поддерживать господствующее положение Православной церкви как одного из столпов государственной системы. Для сохранения этой ведущей роли в Российской империи всегда существовала уголовная защита Православной церкви от религиозных общин (сект), стремившихся переманить адептов титульной религии на свою сторону.

В Российской империи не существовало единого подхода к определению термина «секта». В целом под сектой понималось «организованное общество людей,

разномыслящих с господствующей церковью, но согласных друг с другом в религиозном отношении» [2, с. 324–330]. Традиционно российскими властями было принято классифицировать секты по степени опасности в соответствии с религиозными критериями, характеризующими степень отступления от учения Православной церкви и христианства в целом, а также причинами политического и нравственного характера [1, с. 128]. Наиболее опасные секты подвергались уголовному преследованию. Согласно ст. 192 Свода Законов Российской империи 1832 г. и Ст. 207 Уложения о наказаниях Уголовных и исправительных 1845 г., к ним относились скопцы, духоборы, иконоборцы, молокане, иудействующие и другие секты, признанные особенно вредными [9, с. 70; 6, т. 20, № 19283].

На наш взгляд, можно выделить несколько этапов принудительного направления сектантов на военную службу. На протяжении первого этапа (1801–1825 гг.) уголовное преследование сектантов и использование военной службы в качестве наказания были сведены к минимуму. На втором этапе (1825–1845 гг.) власти перешли к широкому использованию репрессивных мер с целью подавления сектантских движений. В связи с этим практика отправки религиозных отступников в армию значительно возросла. Наконец, на протяжении третьего этапа (1845–1856 гг.) власти, не отказываясь от репрессивной политики в целом, стали ограниченно применять военную службу в качестве наказания в отношении сектантов.

Политика вступившего в 1801 г. на престол императора Александра I в отношении сектантов носила комплексный характер. С одной стороны, самодержец был убежден, что только веротерпимая политика государства может способствовать постепенному увяданию деструктивных религиозных течений. С подачи императора российские власти свели к минимуму преследование общин большинства сектантов [4, с. 26]. Несмотря на отдельные факты преследования (например, отдача в солдаты сибирских духоборов в 1807 г., а также астраханских иконоборцев в 1820-х гг.), в целом правительство Александра I отказалось от идеи массового привлечения представителей большинства сект на воен-

ную службу [3, с. 69, 134]. С другой стороны, именно при Александре I началось систематическое направление на военную службу сектантов, религиозные практики которых были связаны с членовредительством. Речь идет в первую очередь о течении скопцов.

Многочисленные постановления правительства предписывали отправлять выявленных скопцов на военную службу. Например, 8 января 1807 г. отданные в армию по приговору суда скопцы шли в зачет их селениям за рекрут [5, т. 29, № 22.422]. Тем самым власти стимулировали население империи сообщать полиции о скопцах, чтобы частично переложить на плечи сектантов бремя несения рекрутской повинности. В следующем году власти пошли еще дальше и начиная с 8 октября 1808 г. за отданных на военную службу скопцов старше 35 лет (максимального призывного возраста, который не распространялся на скопцов) общины получали половину зачетной рекрутской квитанции. Кроме того, несовершеннолетние скопцы по достижении 17 лет также должны были быть отправлены на службу в армию (Там же, т. 30, № 23.294).

Отличительными чертами правоприменительной практики в отношении скопцов являлись жесткость и последовательность со стороны органов власти Российской империи. Нередко послабления со стороны государства в отношении совершивших преступления подданных не затрагивали членов этой секты. Например, на скопцов не распространялся Всемиловейший Манифест 30 августа 1814 г. (Там же, т. 33, № 26.484). Этот манифест даровал свободу состоящим под следствием лицам, не совершившим смертоубийства, разбоя и грабежа. Даже в период значительных послаблений в отношении подданных власти стремились максимально жестко действовать в отношении скопцов и изолировать их от общества посредством отправки в армию или в ссылку.

В 1823 г. было принято решение о прекращении отдачи в рекруты за совершение уголовного преступления. Вместо этого осужденные приговаривались к отправке на поселение в Сибирь (Там же, т. 38, № 29328). Такое решение было вызвано огромными масштабами дезертирства со стороны военнослужащих, направленных в армию по решению суда. Другими словами, отправка криминальных и асоциальных элементов в российскую армию достигла таких масштабов, что стала сказываться на уровне ее боеспособности. Поэтому российские власти временно перестали использовать вооруженные силы в качестве института перевоспитания подданных. Тем не менее, данное решение не касалось скопцов. Годные к военной службе представители данной религиозной группы продолжали направляться в вооруженные силы, а не на поселение [3, с. 243].

В период правления Николая I (1825–1855 гг.) происходило целенаправленное применение репрессивных мер с целью силой заставить адептов всех сект перейти в лоно Православной церкви. В достижении поставленной цели значительную роль должны были сыграть вооруженные силы империи. С одной стороны, император рассматривал армию как идеальный инструмент перевоспитания подданных, ведущих асоциальный образ жизни (сектанты, бродяги, пре-

ступники). С другой стороны, экономические трудности и постоянный некомплект вооруженных сил вынуждали власти искать дополнительные возможности комплектования войск, чтобы не подрывать крепкие крестьянские хозяйства. Поэтому в армию стало поступать все больше преступных элементов.

Репрессивную политику правительства Николая I в отношении сектантов в полной мере иллюстрирует Свод законов Российской империи 1832 г. Согласно Ст. 151, пропаганда сектантами своего вероучения, а также открытое порицание Православной церкви, являлись уголовными преступлениями. Все лица, уличенные в данном преступлении и годные к военной службе, направлялись в армию. Неспособные к службе в вооруженных силах, а также женщины приговаривались к ссылке на поселение в Кавказский край. Иными словами, формально власти наказывали сектантов лишь за попытки распространить свое вероучение. Лица, принадлежащие к секте, но не совершающие попыток обратить в нее иных лиц, уголовному преследованию не подвергались. Исключение составляли лишь адепты учения скопцов. Любой принадлежащий к данной секте (из числа годных к военной службе) подлежал к отправке в армию [9, с. 70].

Примечательно, что обвиняемый в распространении деструктивного учения мог избежать до решения суда отправки в армию. Для этого было необходимо обратиться в православие и заручиться подтверждением местного духовенства в искренности смены веры (Там же, с. 70–71). Подобная мера свидетельствует о том, что военная служба как мера наказания сектантов вводилась скорее в интересах Православной церкви, чем военного ведомства.

Многолетний опыт массового наказания сектантов посредством направления на военную службу наглядно продемонстрировал, что страх угодить в армию не заставил большинство людей предать свое вероучение. Численность сектантов в Российской империи постоянно росла, соответственно росла их численность и в рядах вооруженных сил. Кроме того, косвенные факты позволяют предположить, что военное командование в целом не было в восторге от наплыва в вооруженные силы лиц, массово отказывающихся от исполнения тех или иных приказов начальства. Всё это заставило власти выработать дифференцированный подход в вопросе привлечения сектантов к военной службе.

Этот подход получил отражение в Уложении о наказаниях Уголовных и исправительных 1845 г. Согласно ст. 206 этого документа, уличенные в пропаганде своих вероучений сектанты приговаривались к высылке на поселение в Кавказский край. При этом по решению властей ссылка могла быть заменена службой в армии [6, т. 20, № 19283]. На решение о направлении сектанта в армию теперь влияло не только его состояние здоровья, но и оценка возможности его перевоспитания, а также реальные потребности вооруженных сил в подобного рода новобранцах.

Уложение о наказаниях Уголовных и исправительных 1845 г. официально закрепило давно существовавшую практику наказания сектантов, привлекавших к вере собственных детей. Согласно ст. 209 распространение деструктивных, по мнению властей,

религиозных учений среди членов семьи также приравнивалось к их открытой пропаганде и каралось отправкой на военную службу или ссылкой на поселение. Несовершеннолетние, участвовавшие в запрещенных обрядах, направлялись в батальоны военных кантонистов, а неспособные к военной службе – на работу на казенные фабрики [6, т. 20, № 19283]. Батальоны и полубатальоны кантонистов являлись военными учебными заведениями, которые должны были готовить из подростков квалифицированные кадры для российской армии. Значительную часть кантонистов составляли малолетние бродяги и сектанты. Очевидно, что перевоспитать несовершеннолетних сектантов было гораздо проще, чем взрослых. В связи с этим несовершеннолетние, в отличие от взрослых, продолжали массово зачисляться в военное ведомство.

Так как в глазах правительства сектанты являлись деструктивным элементом российского общества, то система распределения и прохождения военной службы данной категории военнослужащих имела свои особенности. Направляя сектантов на военную службу, власти преследовали две цели: их перевоспитание и изоляция от общества в целях недопущения распространения деструктивных вероучений. Подтверждением перевоспитания таких военнослужащих, по мнению властей, являлся переход в православную веру. Для достижения этой цели использовались три инструмента: строгое соблюдение устава и требований начальства, воспитательная и идеологическая работа со стороны полковых священников и руководящего состава, а также ограничения в прохождении службы, вводившиеся специально для сектантов. К таким ограничениям относились отсутствие права на отставку, на временный отпуск, а также на продвижение по службе. Тем самым власти не давали возможности сектантам поддерживать связь с последователями их религиозных общин и стремились производить в последователях секты страх оставаться далее в своем отступничестве [5, т. 40, № 30.483]. Снять подобные ограничения мог лишь переход сектанта в православие.

Для предотвращения распространения сектантами их вероучений военное командование направляло подобных рекрут на службу в удаленные регионы Российской империи, где существовал значительный языковой и культурный барьер между военнослужащими и гражданским населением. В связи с этим большинство сектантов проходило службу в Отдельном Кавказском корпусе [6, т. 5, № 4010]. Выбор данного соединения определяли культурно-языковые особенности жителей Кавказа, а также их сложные отношения с российскими военнослужащими. Отдельный Кавказский корпус находился в состоянии перманентных боевых действий, что также существенно усложняло прохождение службы в этом соединении. Кроме того, часть сектантов направляли на службу в Отдельный Сибирский корпус (в том числе проживавших на территории Кавказского края) (Там же, т. 12, № 10.525).

Многолетняя служба в российской армии должна была максимально нивелировать религиозные и культурные различия военнослужащих и перевоспитать сектантов в преданных поданных. Тем не менее,

упорство отправленных в армию сектантов заставляло военное руководство на официальном уровне устанавливать для них некоторые права, исходя из особенностей вероисповедания. Так, адепты секты духоборов, направленные на службу в армию, неоднократно отказывались давать присягу и принимать оружие и амуницию. В ответ на подобные действия правительство направляло духоборов на каторгу [6, т. 30, № 23.856]. Тем не менее, годы упорной борьбы сектантов давали некоторые результаты. Согласно решению Государственного совета 8 января 1820 г., духоборы были освобождены от принесения военной присяги, но это не освобождало адептов данной секты от исполнения служебных обязанностей и ответственности за их нарушение [7, л. 4 об.]. В 1850 г. служившие в Отдельном Кавказском корпусе молокане объявили, что их вероучение запрещает им сражаться в бою. Военное командование было вынуждено перевести молокан на службу в прочие армейские подразделения, не участвовавшие в боевых действиях [3, с. 618].

Практика показала, что надежда российских властей на то, что утомленные тяготами военной службы и специальными ограничениями сектанты будут вынуждены обратиться в православие, потерпела неудачу. Многие поступившие в рекруты сектанты добросовестно выполняли приказы начальства, при этом оставаясь приверженными своему вероучению. В результате военное руководство пришло к выводу, что бескомпромиссная борьба с сектантством в российской армии может надломить психику некоторых военнослужащих и сказаться на дисциплине в войсках. В связи с этим в 1832 г. было принято решение дать возможность сектантам, не уличенным в пропаганде своего вероучения, а также не имеющим нареканий по службе, свободно придерживаться своего вероучения и иметь право на получение отпусков и отставки [6, т. 7, № 5120].

Так как, по мнению правительства, наибольшую опасность для государственной безопасности представляла секта скопцов, то и условия прохождения службы адептов данного вероучения имели свои особенности. До 1826 г. скопцы направлялись на службу в Отдельный Кавказский и Отдельный Сибирский корпуса [5, т. 33, № 26.462]. После выхода в отставку либо же получения тяжелого ранения, несовместимого с несением службы, скопцы, не перешедшие в православие, не получали права свободного проживания в границах Российской империи. Вместо этого они отправлялись на поселение в Сибирь.

26 марта 1826 г. для экономии средств, связанных с переселением отставных военнослужащих в Сибирь, было принято решение впредь отправлять годных к военной службе скопцов в Отдельный Сибирский и Отдельный Оренбургский корпуса [3, с. 241–242]. Тем не менее, уже через год в деле о скопцах братьях Шалимовых Комитет Министров Российской империи принял решение направить их на службу в Отдельный Кавказский корпус [6, т. 2, № 1589]. Свое решение Комитет объяснил тем, что ввиду неспособности к деторождению поселение скопцов в малонаселенных регионах империи не является целесообразным.

18 марта 1840 г. в вопросе распределения скопцов на военную службу было принято решение разделить все губернии Российской империи на две группы: уроженцы Северо-Западных, Юго-Западных, Мало-российских и части центральных российских губерний направлялись на службу в Отдельный Кавказский корпус, уроженцы Остзейских, Сибирских и части центральных российских губерний распределялись в Отдельный Сибирский корпус [6, т. 15, № 13267].

Несмотря на все меры правительства по борьбе со скопцами, их численность со временем только возрастала. Кроме того, многолетний опыт показал, что армия помогает частично изолировать скопцов от гражданского населения, но не способствует их полному перевоспитанию. В связи с этим в 1850 г. военное командование приняло решение учредить на Аландских островах арестантскую роту, укомплектованную исключительно скопцами. Данное решение было продиктовано ростом числа скопцов в рядах вооруженных сил, а также опасностью распространения этого учения среди военнослужащих и гражданского населения (Там же, т. 25, № 24194). Данное решение примечательно тем, что военное командование перевело десятки военнослужащих из одного из самых боеспособных соединений российской армии в состав исправительного подразделения. Это говорит о том, что в российской армии скопцы воспринимались в первую очередь как преступники, а не военнослужащие.

Таким образом, одним из инструментов по борьбе с сектантством в Российской империи являлось принудительное направление на военную службу. За период 1801–1856 гг. данный способ наказания прошел значительную эволюцию, начиная от убежденности в эффективности массового перевоспитания сектантов посредством длительной военной службы, заканчивая пониманием того, что армейское командование получает лишь проблемы от массового наплыва этой категории новобранцев. Массовое привлечение сектантов к армейской службе не было связано исключительно с потребностями военного ведомства. Основная причи-

на заключалась в политическом решении руководства страны силовыми методами бороться с любыми силами, ставящими под сомнение ведущую роль Православной церкви в Российской империи.

Литература

1. Бендин, А. Ю. Эволюция понятия веротерпимости и Указ 17 апреля 1905 г. / А. Н. Бендин // Исторические записки. Отделение историко-филологических наук РАН. – 2006. – Вып. 9 (127). – С. 113–136.
2. Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь / под редакцией профессора И. Е. Андреевского. – Санкт-Петербург : Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890–1907. – Т. 29 : Сахар – Семь мудрецов. – 1900. – 468 с.
3. Варадинов, Н. В. История министерства внутренних дел / Н. В. Варадинов. – Санкт-Петербург : Тип. II отд-ния собств. Е. и. вел. канцелярии, 1863. – Т. 8. – 656 с.
4. Лукьянов, С. А. Полиция Российской империи в противодействии религиозному изуверству в первой четверти XIX в. / С. А. Лукьянов // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 4 (48). – С. 26–31.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 : с 1649 по 12 декабря 1825 г. : в 45 томах. – Санкт-Петербург : Тип. II отд-ния собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1851. – 45 т.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : с 12 декабря 1825 по 28 февраля 1881 г. : в 55 томах. – Санкт-Петербург : Тип. II отд-ния собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1884. – 55 т.
7. Российский государственный исторический архив. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 13. О духоборах, отданных в рекруты и отказавшихся от принятия присяги и от военной службы. 18.11.1818 – 08.01.1820. – 12 л.
8. Свод военных постановлений : Ч. 1–5. – Санкт-Петербург : тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1838–1839. – 27 см. – Ч. 5: Устав военно-уголовный. [Кн. 1. О преступлениях и наказаниях]. – 1839. – 178 с.
9. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный [Текст] : [в 15 томах] : 1842 г. – Санкт-Петербург : Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1842–1855. – [Т. 15]: Свод законов уголовных. – 1842. – [4], 383, 12, 40 [2], IV с.

P.A. Nekrashevich

MILITARY RECRUITMENT AS A MEASURE OF PUNISHMENT FOR SECTARIANS IN THE RUSSIAN EMPIRE (1801–1856)

The Russian government used military service as a punishment for promoting banned religious doctrines. This paper examines the problem of application of this type of punishment against the sectarians in the Russian Empire in the first half of the 19th century. In addition, the conditions of military service of sectarians in the Russian imperial army are reviewed.

Army of the Russian Empire, sects, punishment, Skoptsy, Doukhobors, Molokan, the penal system.